

Б.Н. Чичерин

Мера и границы

Отличительное свойство русского ума состоит в отсутствии понятия о границах. Можно подумать, что все необъятное пространство нашего отечества отпечаталось у нас в мозгу. Всякое понятие является нам в форме безусловной. Для нас исчезают линии, которые отделяют его от смежных с ним областей; мы не постигаем ни места, которое оно занимает в ряду других, ни отношения его к тем понятиям, которые находятся с ним в соприкосновении. В этом западный человек имеет перед нами огромное преимущество. Он выработался из борьбы разнообразных и разнородных стихий, из которых каждая, вошедши в общую жизнь, отмежевала себе принадлежащее ей место. Оттого русскому человеку западный часто кажется ограниченным, и действительно, немец, француз, англичанин вращаются иногда в слишком тесной среде. Но эта ограниченность не что иное, как обратная сторона того драгоценного смысла места, меры и границ, без которого едва возможно жить образованному человеку и которого мы по большей части лишены. У нас, как у восточных народов, все расплывается в бесконечность.

Возьмем, например, понятие о власти. Оно содержит в себе множество видоизменений, из которых каждое имеет значение на своем месте. Одна власть есть верховная в государстве, другая – подчиненная, имеет ограниченные права и юридически определенный круг действия. В самодержавии вся государственная власть сосредоточивается в одном лице; в правлении смешанном или выборном она разделяется между несколькими лицами,

из которых каждое имеет долю верховной власти. Но несовместно с разумным понятием об обществе представлять себе всякую власть, сверху донизу, безграничную и безусловную. Между тем у нас всякий начальник склонен считать свою власть таковою. На самый законный отпор подчиненных он смотрит как на своеволие и бунт. Со своей стороны подчиненные верят в полновластие начальника; одни покоряются ему безусловно, другие безусловно его ненавидят. Точно так же и помещик держался начала безграничной власти; ему казалось просто нелепостью иметь над крестьянами определенные права. Отсюда всеобщее ополчение на переходное состояние. Или все, или ничего; середины не существует.

С другой стороны, возьмем понятие о свободе. Оно еще более представляется нам условным. Свобода одного лица ограничивается свободой других; свобода всех ограничивается деятельностью власти. Без этих ограничений общежитие невозможно. В какой мере они устанавливаются – это зависит от местных и временных условий; но, во всяком случае, понятие о свободе в общественной жизни немыслимо иначе, как в пределах, постановленных законом или обычаем. Между тем русскому человеку и это понятие представляется безграничным. Русский либерал теоретически не признает никакой власти. Он хочет повиноваться только тому закону, который ему нравится. Самая необходимая деятельность государства кажется ему притеснением. Он в иностранном городе завидит на улице полицейского чиновника или солдата, и в нем кипит негодование. Русский либерал выезжает на нескольких громких словах: свобода, гласность, общественное мнение, слияние с народом и т. п., которым он не знает границ и которые поэтому остаются общими местами, лишенными всякого существенного содержания. Оттого самые элементарные понятия – повиновение закону, потребность полиции, необходимость чиновников – кажутся ему порождением возмутительного деспотизма. Этот присущий русскому обществу и глубоко коренящийся в свойствах русского духа элемент разгульной свободы, которая не знает себе пределов и не признает ничего, кроме самой себя, – это именно то, что можно назвать казачеством.

Русская история представляет замечательные примеры этого восточного склада русского ума, который все понимает под формую безусловного. Известно, что в старину бояре и слуги были

вольными людьми, которые ездили от одного князя к другому, предлагая свои услуги и отъезжая, как скоро они были недовольны. Тут не было ни постоянной связи с обществом, ни постоянных обязанностей. Как вольные птицы, они повиновались только собственному влечению, не зная над собою власти. С возникновением государства такой порядок не мог продолжаться. В конце XV в. бояре и слуги лишились права отъезда и были прикреплены к государственной службе. Что же? Были ли эти новые отношения ограничением прежней свободы? Выработались ли из этого определенные служебные отношения к князю? Ничуть не бывало. Переменился только угол зрения – и тут же на место прежнего безусловного понятия явилось другое, столь же безусловное, хотя совершенно противоположное. Вольный боярин сделался холопом. Как скоро прекратилась полная свобода, так наступило полное рабство.

Почти то же случилось и с крестьянами. Переход от одного землевладельца к другому был им воспрещен. В другой стране из этого сопоставления двух сословий выработались бы определенные права тех и других; в России развилось полновластие помещика. Оно вытекло из самой жизни, из чисто русского воззрения на свойство юридических отношений. Законодательство большей частью следовало только за обычаем.

Обратимся ли мы к понятиям другого рода, из области административной? Мы увидим то же самое. Первое, что нам здесь представляется, – это централизация. Под именем централизации у нас понимают... Впрочем, чего не понимают у нас под именем централизации? Можно ожидать, что скоро последует формальное обвинение на Солнце, за то, что оно составляет центр планетной системы! Обыкновенно же под этим разумеют то, что все дела разрешаются в центре, а не на местах. Никому в голову не приходит, что все дела никогда не восходят к центру, а только некоторые, в большем или меньшем количестве. Централизация может не переходить известных пределов и все-таки будет существовать. Если бы возражения были направлены только против излишней централизации, то с этим во многих случаях можно было бы охотно согласиться; но они направлены против нее безусловно. Из того, что не следует для самых пустых дел ожидать разрешения сверху, выводят, что централизация совершенно должна быть уничтожена.

Противоположно централизации самоуправление. Самоуправление – так самоуправление! Подавайте нам выборных всюду – чтобы все дела решались миром или собраниями представителей. Чуть где появился чиновник – это непоследовательность, против которой надобно протестовать. Никому опять в голову не приходит, что самоуправление и выборное начало хороши на своем месте, так же как централизация и правительственное начало на своем, что в администрации, как и в целом обществе, существует не один элемент, а разные, что весь вопрос заключается здесь в мере, в сочетании, в том, чтобы каждому началу дать надлежащее место и значение соответственно с существующими условиями и обстоятельствами.

Этот безусловный способ суждения нередко производит в литературе самые странные недоразумения. Вы доказываете существование известного понятия или начала; вас разумеют так, что, кроме этого начала, не существует ничего другого, что оно в ваших глазах исключает или поглощает в себе все остальные. Иногда приходишь в недоумение: в самом деле, может быть, выразился неясно. Посмотришь: ничуть не бывало! Сказано так ясно, как только можно говорить человеческим языком. Вы, например, буквально сказали, что правительство не может делать все, что необходима самостоятельная деятельность общества; вы сетуете на то, что мы, русские, слишком привыкли всего требовать, всего ожидать от правительства; а критик тут же, не запинаясь, утверждает, что, по вашему мнению, все совершается и должно совершаться от власти и посредством власти¹. В другой стране подобные суждения следовало бы приписать бессовестности; у нас это просто размах русского ума, неумение читать и понимать то, что мы читаем, совершенная неспособность вникнуть в чужую мысль, вытекающая из неспособности определить свою. Далее вы говорите, что государство не может строиться на одной юридической теории, на одних отвлеченных началах; вы посвящаете целый отдел науки учению о влиянии жизненных условий на государство, вы за венец политических наук выдаете политику, т. е. учение о приспособлении государственных начал к разнообразным условиям жизни; вам отвечают, что вы жизнь совершенно отрицаете и признаете, что в мире нет ничего, кроме мертвого государственного механизма.

¹ См. передовую статью в 5-м номере «Дня» [за 1861 г.], который может служить образцом этого рода критики.

Вы говорите о повиновении закону, как об основном юридическом начале, без которого не может существовать никакое общество, что само по себе очевидно; вам возражают, что ученому юристу до повиновения закону дела нет, что юрист не официальный блюститель правосудия, а закон не есть непреложная истина или непогрешимое изречение оракула, не подверженное изменениям, с чем вы, разумеется, заранее согласны. При этом происходят гвалт и остервенение. Сама Пруссия отказывается от ваших теорий, а русские чиновники обижаются тем, что вы хотите отягощать ими народ. (У нас чиновники стали такими прогрессистами, что так и рвутся к самоуничтожению!). Между тем вы, в невинности сердца, не строили никаких теорий и никогда не предлагали держать лишнее количество чиновников.

Откуда же все это происходит? Отчего против вас поднимается вопль в известном разряде журналистики? Оттого, что вы имели неосторожность или дерзость произнести некоторые слова, которые возбуждают колер в либеральных детях: государство, закон, чиновник, централизация. Мало того, вы даже не произносили слова «централизация», но подозревают, что вы могли его произнести. Этого довольно: либеральные дети больше ничего не видят; зажмурив глаза и закусив удила, они стремглав кидаются вперед и победоносно ниспровергают ветряные мельницы.

А между тем если мы не выучимся читать и понимать то, что читаем, если всякое понятие будет расплываться у нас в уме, если мы не сумеем давать ему определенные очертания и ставить его на принадлежащее ему место в ряду других, если мы не убедимся, наконец, в том, что общественная жизнь слагается не из одного куска, а из разнообразных стихий, из которых каждая должна иметь свое место и значение в целом, то не выбиться нам на разумный путь. Чувство меры и границ – вот что потребно просвещенному обществу. Где лежат эти границы, какова должна быть мера в сочетании различных общественных стихий – это в каждом отдельном случае определяется различно. Каждый народ имеет свой дух, свои жизненные условия, свое строение, которое вырабатывается и изменяется исторически. Общественное мнение должно носить в себе сознание этих условий. Оно тогда только может получить влияние на ход дел, когда оно не будет пробавляться общими местами, ликовать при звуке известных фраз и пугаться других, когда

оно в своих требованиях не будет заходить далеко за пределы того, что в данное время по силам народу, но сумеет держаться в границах применимого и полезного.

Со своей стороны разумная власть, не упуская из рук необходимой для общественного порядка силы, должна себя удерживать, чтобы дать простор другим общественным стихиям, без которых невозможно просвещенное общежитие. Чем власть беспредельнее в своих правах, тем легче подвергается она искушению преувеличивать собственное начало, тем необходимее для нее разумное воздержание.

Только при таких условиях, при взаимном воздержании и при взаимном уважении, возможно у нас мирное и правильное развитие общества. Если же вопрос будет поставлен не между мерою и безмерностью, а между казачеством и кнутом, тогда нет места разумному порядку в нашем отечестве.